

Гончаров Артём Сергеевич, бакалавр, Педагогический факультет

Ставропольский государственный педагогический институт

Россия, г. Ставрополь

Ануприенко Ирина Алексеевна, к.и.н, доцент, доцент кафедры Теории и

методики истории и обществознания

Ставропольский государственный педагогический институт

Россия, г. Ставрополь

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О БРОДНИКАХ В 1146-1190-Е ГГ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ БРОДНИКОВ И ГЛУБИННЫЕ ИСТОКИ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Аннотация: Настоящая статья посвящена изучению российского бродничества как исторического и социокультурного явления в источниках 1146-1190-х гг. В ходе исследования мы опираемся на древнерусские и византийские источники, чтобы дополнить известную на данный момент историческую картину важными сведениями о быте, культуре, деятельности и связях бродников с другими народами и государствами. Для развития отечественной историографии по данному направлению остаются дискуссионными два аспекта: происхождение бродников и глубинные истоки российского казачества, прослеживающиеся в культуре бродничества на Древней Руси.

Ключевые слова: бродники, исторический источник, этнокультурная общность, историко-культурная связь, Хазарский каганат, Тмутараканское княжество, Ипатьевская летопись.

Annotation: This article is devoted to the study of Russian vagrancy as a historical and sociocultural phenomenon in the sources of the 1146-1190s. In the

course of the research, we rely on ancient Russian and Byzantine sources in order to supplement the currently known historical picture with important information about the life, culture, activities and connections of the rovers with other peoples and states. For the development of Russian historiography in this direction, two aspects remain controversial: the origin of the roamers and the deep origins of the Russian Cossacks, which can be traced in the culture of roaming in Ancient Russia.

Keywords: brodniki, historical source, ethnocultural community, historical and cultural connection, Khazar kaganate, Tmutarakan principality, Ipatiev chronicle.

Актуальность темы заключается в необходимости пересмотра и более детального изучения версии о происхождении казачества от социокультурных общностей бродников и ушкуйников, представителей «лихих людей», занимавшихся разбоем и грабежом на территории Древней Руси, Молдавского княжества, Буджака и, в особенности, на побережье между Днестром и Днепром. Поскольку первые достоверные сведения о бродниках в исторических источниках появляются в 1146-м году, закрепление историко-культурных связей между бродничеством и казачеством является важным с двух позиций. Во-первых, для восстановления утраченных данных о предпосылках формирования российского казачества и, во-вторых, для поиска аргументов в дискуссионном вопросе об обосновании казачества и как социокультурной, и как этнокультурной общности.

Практическая значимость отражена в возможности использования материалов исследования для дальнейшего изучения истории бродников в контексте истории России и Всемирной истории, а также тех культурно-экономических и военно-политических связей, которые выработались у древнерусских княжеств с другими народами и государствами благодаря вкладу бродников, ушкуйников и, опосредованно, казаков. Если брать в расчёт то, что казачество и бродничество были по сути своей одним и тем же социокультурным явлением, то можно согласиться с предположением Л.Н. Гумилёва о наличии более древних исторических связей русского бродничества, уходящего корнями

в IX-X вв.

Цель нашего исследования – через интерпретацию древнерусских и византийских исторических источников раскрыть сущность бродничества как исторического явления и обосновать его историко-культурные связи с российским казачеством.

О том, кто такие «бродники» ещё в эпоху Российской империи размышлял Василий Никитич Татищев [12]. По мнению авторитетного историка того времени, так называли русских людей, христиан, волею случая или обстоятельств, оказавшихся на Дону среди половцев, а потом и в монголотатарском войске. Видимо, бродницы (разночтения встречаются в первоисточнике и во второй редакции «Истории Российской») неплохо знали местность, обладали опытом преодоления водных преград, поскольку были «для показаний броду и перевозов содержаны» [12, с. 197].

Интересно, что В.Н. Татищев, как знаток древнерусских источников и литературных памятников не наделяет бродников авантюрными чертами, он, как нам кажется, воздерживается от объяснения причин этого явления. И всё же, бродники были скорее социокультурной общностью, нежели этнокультурной, хотя, как отмечают многие отечественные историки, состояли, преимущественно из великороссов и малороссов.

В период междоусобиц русских князей и следовавшей за ними Феодалной раздробленности бродники вступали на тропу грабежей в поисках лёгкой добычи. Это были «лихие люди», отправлявшиеся «поляковать», «казаковать» [13, с. 58]. От последнего глагола и происходит слово «казак», которое, как всем известно, имеет тюркское происхождение. Вхождение его в семиосферу русских княжеств приходится как раз на середину XIV в. Но, вероятно, сами турки, болгары, татары использовали это слово взамен слову «бродник» («бродяги», либо «люди с брода»), которое укрепилось в сознании русских купцов и дружинников, этим и объясняется родство бродничества и казачества.

Существует множество версий о происхождении казаков, но наиболее

распространенными из них являются восточная и славянская. В первом случае предполагается сильное влияние «восточной» культуры, которая в этом случае превалирует в основе генезиса субкультуры казачества. Во втором случае в ее основе лежит славянская культура, дополненная, соответственно, «восточной» культурой. Рассмотрим обе версии более подробно.

По мнению Льва Николаевича Гумилёва [3] и других отечественных историков [4; 5], занимавшихся изучением взаимодействия российской и восточной культур, казачество возникло путем слияния русского этноса, касогов и бродников после монголо-татарского нашествия

В.В. Дзюбан [4], в этом отношении полностью солидарен со мнением Л.Н. Гумилёва. По Дзюбану, касоги – это потомки касситских племен (аки, каски, калы, аксы, беки), которые ураганом пронеслись по всему миру в XVII в. до н.э. На территории Кавказа и Приазовья они встретили исторических соседей по Ха-Кассии (своей прародине) и образовали с ними межплеменные союзы [4, с. 54].

Черкасы существовали в историческом пространстве как союз племён Кавказа, основную часть которого составляли касоги. Возможно, название пошло ещё со времен, когда касоги входили в Хазарский каганат. Часть касогов переселилась на территорию Руси еще до возникновения Орды. Уже в конце X в. часть касогов, как известно, пришла на Русь с войсками князя Святослава Игоревича. Позднее, когда князь Мстислав Храбрый или Удалой (983-1036 гг.) стал управлять Тмутараканью, основным населением которой вероятнее всего были касоги и бродники, их связь с Русью стала ещё более тесной [5, с. 116].

Мы считаем, что и «восточная», и «славянская» версии частично отражают историческую действительность. Поскольку бродниками называли как этносы, проживавшие на побережьях Азовского моря, Буджака и побережья между Днестром и Доном, а также «вольных» или «лихих» людей, часто пребывавших на службе у русских князей, то можно предположить, что бродничество возникло исконно в славянской среде.

Изначально бродниками считались великороссы, малороссы и белоруссы, и лишь затем к ним присоединились касоги, хазары, болгары, тюрки-огузы, готы,

аланы. Также в этногенезе общностей бродников участвовало таврическое, херсонеское население. Как известно, историки, рассматривающие казачество с позиции этнокультурной общности, относят к нему такие этносы: русские, украинцы, белорусы, адыги (касоги), осетины (аланы). В региональных формах казачества выделяют: черкесов, карачаевцев, балкарцев, ингушей и ногайцев [11, с. 156].

Обратимся к первым историческим свидетельствам о бродниках 1146-1190-х гг., чтобы подтвердить их существование в историческом пространстве и определить наличие заявленных нами историко-культурных связей, либо возможностей их наличия, исходя из содержания исторических источников.

Есть четыре крупных исторических первоисточника, в которых объективно засвидетельствовано существование бродников в историческом пространстве: фрагмент из «Слова о полку Игореве», Повесть временных лет, Ипатьевская летопись, записи Никиты Хониата (Акомината) из «Истории со времени царствования Иоанна Комнина» и послания папы римского Иннокентия IV к Даниилу Галицкому. В качестве ключевого исторического источника вторичного типа можно рассматривать приложения из «Истории Российской» В.Н. Татищева. Рассмотрим более подробно каждый источник.

Во фрагменте из «Слова о полку Игореве» упоминается деремела (*därmäl* с тюрк. – «люди с брода»). Здесь идёт речь о наёмниках, не находящихся на постоянной службе у какого-либо князя. Это подтверждает теорию о том, что бродниками называли бродяг, разбойников, которые не хотели быть обременёнными налогами или работой на земле и потому скитались в поисках лёгкой добычи – грабили торговые караваны, за что многие немецкие историки сравнивали и бродников, и казаков с ландскнехтами [10].

Хотя такое определение и укалывается в общую концепцию, но также наводит на мысль о возможной неточности этимологии слова «бродник». Каково его происхождение, – от слова «брод» или «бродить», то есть, скитаться? Дело в том, что брод происходит от праславянского «*bredti*» – «бредти» или «брести», ходить медленно, идти по броду – одно и то же. Значит, у слова бродник одно

денотативное значение, но как минимум два коннотативных – «человек с брода» и непосредственно «бродить». Это подтверждается церковнославянским «бредж», литовским *brīsti* («идти вброд») и *brýdoti* («стоять в воде») [1; 2].

Но, как верно подметил К.В. Кудряшов, один из ведущих советских исследователей по «Слову о полку Игореве», в любом исследовании Древней Руси опираться только на данный источник – грубая ошибка. «Слово...» можно использовать исключительно в наборе источников. Текст данного исторического источника даёт представление о семантике слова «бродник», но этого недостаточно для установления исторической действительности.

Рассмотрим сущность бродничества в более достоверных источниках.

Повесть временных лет (ПВЛ) позволяет судить о бродниках как об обитателях южнорусских степей. Примерной территорией можно считать степи от Подунавья до Подонья. Впервые упоминаются в 1146-м году на месте Москвы, за год до прихода туда Юрия Долгорукого. Это было военно-торговое поселение, в которое «часто заходили бродники». Они имели своих воевод, вели торговые отношения с Венгрией. Отношения с половцами были неоднозначны: бродники то воевали, то вели торговлю и грабили вместе с половцами [8]. Согласно ПВЛ, бродники не идентифицировали себя с каким-либо этносом, но сотрудничали, в первую очередь, со славянским населением [6, с. 116].

На основе сведений из Ипатьевской летописи можно определить социальное положение бродников. Основу их составляли в основном холопы, крестьяне из отдалённых частей Великой и Малой Руси, которые в поисках пропитания стекались в южнорусские степи. К наиболее крупным группам бродников примыкали бывшие дружинники, а также разбойники и, реже, купцы. Бродники не вели оседлый образ жизни, но любили делать остановки в поселениях вблизи речных бродов [9]. Достоверным на данный момент считается упоминание в Ипатьевской летописи сведений об участии бродников в усобицах многих русских князей, что не имеет расхождений с исторической действительностью второй половины XII в.

В.П. Шушарин [15], анализируя предпосылки этногенеза в истории

венгерского народа, упоминает, что бродники отождествляли себя в одно время с венграми. С одной стороны, это могло быть связано с тем, что они имели торговые связи с венграми, с другой – это объясняется ассимиляцией славян, валахов и аваров венграми [15, с. 39-40]. Ассимиляция приходится как раз на X-XI вв. К сожалению, нет исторических источников по истории Древней Руси, которые могли бы свидетельствовать об этом, а венгерские источники не содержат упоминания о бродниках как о социокультурной, либо этнокультурной общности. Скорее всего, венгры отождествляли бродников с наёмниками или бродячими торговцами.

В русских летописях исторических свидетельств о бродниках второй половины XII в. крайне мало. Зато в византийских и итальянских источниках такие свидетельства есть. В частности, из записей Никиты Хониата, включённых в общую «Историю со времени царствования Иоанна Комнина» [14], есть упоминание о бродниках именно как об этнокультурной общности. Н. Хониат пишет, что в 1185 году бродники сражались вместе с восставшими болгарами против византийского населения (имеются в виду греки, хотя население Державы Ромеев в XII в. было весьма неоднородно). Бродники были родом из Вордоны, они поклонялись славянскому богу войны (Перуну или Руевиту – в источнике не упоминается) [14, с. 428].

В описании Н. Хониата встречается такая характеристика бродников: «Презирующие смерть, ветвь русских, нередко замечены во многих распрях <...>, народ, любезный богу войны». Н. Хониат считал, что бродники массовое явление для Древней Руси, поэтому у него встречается предположение, что бродники упоминаются во всех русских хрониках (летописях), что, на самом деле, не так. Даже если о бродниках было многое сказано в исторических источниках, то на сегодняшний день эти сведения не сохранились. Можно с уверенностью сказать, что бродники часто участвовали в усобицах русских князей, в русско-половецких и русско-татарских сражениях [14, с. 431].

В речи 1190-го года Н. Хониат определяет бродников («οἱ ἐκ Βορδόνῃ») как тавроскифов. Но мы считаем, что это предположение верно лишь частично,

поскольку, как показывает практика анализа греческих и византийских источников, многие историки и даже историки-современники не отделяли, либо путали славян со скифами и пытались отразить их культуру в культуре таврического населения. Хотя, это даёт основание полагать, что бродники были отличны как от половцев, так и от валахов в этническом плане.

По поводу того, что бродники были «постоянными гостями» в Тмутараканском княжестве и Херсонесе сомневаться не приходится. Значит, можно предположить, что в состав бродников также входили и скифы, и греки, и все этносы, населявшие Тавриду в X-XII вв. Больше о развитии бродников как социокультурной или этнокультурной общности в 1146-1190 гг. из исторических источников мы не можем ничего почерпнуть.

О дальнейшем развитии бродников и факте существования бродничества известно из послания папы римского Иннокентия IV к Даниилу Галицкому 1246 года [7], в котором сообщается о событиях 1129-1144 гг. и первом «вожаке бродников» – Иване Ростиславиче Берладнике.

Иван Ростиславович, сын перемышльского князя Ростислава Володаревича, после смерти отца в 1129 году не получил ожидаемого наследства: стол в Перемышле занял расторопный брат покойного Ростислава – владетель звенигородский Владимир Володаревич, преимущественно называемый в исторических источниках уменьшительным именем Владимирко.

Заняв Перемышль, Владимирко отправил своего племянника княжить в Звенигород. В течение пятнадцати лет, пока Владимирко укреплял и «округлял» свои владения, получив, в частности, очередное наследство в виде Теремовля и Галича, Иван Ростислави мирно и благополучно управлял доставшимся уделом.

На авантюрную дорожку звенигородский Ростиславович вступил в 1144-м году, соблазнившись возможностью легкой наживы: жители Галича, недовольные своим Владимиркой, решили заменить дядю на племянника, благо, князь неосмотрительно отлучился на дальнюю охоту. Откликнувшись на призыв галичан, Иван Ростиславович прибыл в город. Однако Владимирко не собирался отказываться от княжества: свернув злополучную охоту и собрав внушительное

войско, он осадил Галич и стал планомерно добиваться восстановления своих прав [7, с. 69].

Галичане осуществляли периодические вылазки за стены крепости. В одном из таких отрядов командовал сам Иван Ростиславович, но Владимирко оказался более удачливым воином: он «отрезал дружину племянника от городских стен», так что тому пришлось приложить немало усилий, чтобы вырваться из окружения. Пленения Иван Ростиславович избежал, однако после побега ему пришлось стать странствующим князем – без своего терема, двора, постоянного войска [7, с. 94].

Иван Ростиславович обрёл приют в молдавском городке Берладе, «... который в XII в. служил притоном всех беглецов, князей и простых людей» [12, с. 140]. Так в истории за Иваном Ростиславовичем закрепилось прозвище Берладник. С тех пор двадцать лет Берладника знали, как «вожака бродников», управлявшего ими через круговое собрание (наподобие казачьего круга). Берладник устраивал набеги на слабо защищённые поселения и пытался создать собственное княжество, что, впрочем, ему так и не удалось.

Как и Даниил Галицкий, Иннокентий IV критиковал действия Ивана Ростиславича и давал негативную оценку действиям бродников, но именно благодаря этому источнику мы можем с уверенностью сказать, от кого пошла традиция кругового собрания (которое в дальнейшем преобразуется в казачий круг) и традиция избрания вожака-атамана.

Если придерживаться того мнения, что бродники – предки казаков, то Берладника можно назвать родоначальником российского казачества, с оговоркой, что о самих казаках на Руси станет известно лишь в середине XIV века. Мы считаем, что бродничество и казачество – одно явление. Но, поскольку в Турции о бродниках было известно немного, то их называли «казаками», и вышло так, что в это время большинство бродников имели своего коня, отсюда – причина называть их казаками, то есть, людьми, имеющими строевого коня. Кроме того, во второй половине XIV в. слова «бродяжничать» и «казаковать» были синонимичны, что прямо указывает на связь двух исторических явлений.

На Руси это название «бродник» прижилось по одной причине: бродниками именовали всех «лихих людей», ушкуйниками – лихих людей, обладающих лодками-ушкуями, и, уже позже, казаками – тех из них, кто имел выученного строевого коня. Данная теория подтверждается исследованиями Л.Н. Гумилёва и трудами современных историков В.В. Дзюбана и Е.В. Лаптевой. Но, если бродники были по своей сущности лишь социокультурным явлением, то некоторые казачьи группы, казачьи войска, участвовавшие в этногенезе и культурной интеграции с народами Северного Кавказа, вполне могут рассматриваться и как социокультурные, и как этнокультурные общности.

Выводы. Таким образом, исторические свидетельства о бродниках в 1146-1190-е гг. позволяют сделать вывод о высокой степени исторической наследственности, прочных историко-культурных связях между бродниками и казаками. Долгое время в отечественной историографии оставался дискуссионным вопрос: стоит ли рассматривать казачество как социо- или этнокультурную общность? Если судить по зарубежным источникам и, в первую очередь, по сведениям о деятельности Ивана Ростиславича Берладника, заложившего основы культуры этнического бродничества, черты которой в дальнейшем передались и казачеству, то, в контексте генезиса казачьей культуры, будет уместно говорить и о тесной связи двух общностей – бродников и казаков, и о том, что в данном случае признаком этноса выступает не язык, а, в большей степени, – национальное самосознание.

Библиографический список:

1. Академические словари. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. – 702 с.
2. Багриновский Г.Ю. Большой этимологический словарь русского языка. – М.: КоЛибри, 2020. – 1184 с.
3. Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии / Л.Н. Гумилев. – М.: Рольф, 2001. – 416 с.: ил.

4. Дзюбан В.В. Происхождение казаков: культурно-исторический аспект // Преподаватель XXI век. 2012. №2. – С. 53-57.
5. Лаптева Е.В., Рожкова Л.П. К вопросу об истории российского казачества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. №4. – С. 60-67.
6. Кузнецов А.А. Бродники: проблемы идентификации. Восточная Европа в древности и средневековье. 2017. Т. 29. – С. 115-119.
7. Майоров А.В. Послания римского папы Иннокентия IV к Даниилу Галицкому: материалы для Историко-археографического комментария // РА. 2015. №1. – С. 63-120.
8. Повесть временных лет. Произведения древнерусской литературы в переводах Д.С. Лихачева. – М.: Азбука. Серия: Азбука-классика. Non-Fiction, 2020. – 384 с.
9. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Т.2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / Под ред. А.А. Шахматова. – СПб: Типография М.А. Александрова, 1908. – 638 с.
10. Слово о полку Игореве. – М.: Белый город, 2010. – 240 с.
11. Сопов А.В. Бродники – предки казаков? Неделя науки МГТИ. Материалы научно-практической конференции. Майкопский государственный технологический институт. 2001. – С. 156-157.
12. Татищев В.Н. История Российская. В 7 т. Т. 1 / под ред. С.Н. Валка, М.Н. Тихомирова; Акад. наук СССР, Ин-т истории, Ленингр. отд-ние. – Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 499 с.: ил.
13. Темушев С.Н. К вопросу о причинах политической раздробленности Древней Руси. Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. – № 3. – С. 56-60.
14. Хониат Н. История со времени царствования Иоанна Комнина / Пер. под ред. И.В. Чельцова. Изд. подгот. А.И. Цепков. – Т. 1. (1118-1185). – Рязань: Александрия, 2003. – 440 с.
15. Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы

этнического самосознания. – М.: РОССПЭН, 1997. – 512 с.